

STYLE AS A RELATIONAL POLYVALENT CATEGORY

Evgenia A. Goncharova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The modern theory of style requires clarification of some aspects of this multifaceted phenomenon, because of its absolute anthropocentric and functional nature, as well as the resultant immanent connection of style not only with linguistic elements but also with extralinguistic factors. The study shows that such clarifications are largely related to style characteristics, such as *relationality*, which is the explicit expression of the relationship between the language and the person using it in specific types of speech activities and communications in the style and through it, *polyvalence* or the ability to express not one, but a whole bunch of correlative ties between language units and non-language phenomena, *alternativity*, which means an implication of the will expression of a linguistic persona in the style category. This will expression is aimed at consciously choosing from two or more options available to the linguistic persona based on the resources of the appropriate language and language experience to utter the desired message. As a modus of formulating a specific functional-conceptual whole realized through the interconnected set of features of a systemic-structural formation that can be distinguished and interpreted, style is a crucial parameter of utterance, text and discourse. Being the specific functional-conceptual whole formulation modus, it is realized through the interconnected set of features of a systemic-structural formation that can be distinguished and interpreted. Recognition of stylistic information contained in the holistic statements formulation modus optimizes the successful course of speech communication.

Key words: style, formulation modus, relationality, polyvalence, alternativity, utterance, text, discourse.

Citation. Goncharova E.A. Style as a Relational Polyvalent Category. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 4, pp. 180-191. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.14>

СТИЛЬ КАК РЕЛЯЦИОННАЯ ПОЛИВАЛЕНТНАЯ КАТЕГОРИЯ

Евгения Александровна Гончарова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Современное учение о стиле требует уточнения некоторых аспектов этого сложного феномена, обусловленных его абсолютной антропоцентрической и функциональной природой, а также вытекающей из этого имманентной связанностью стиля не только с языковыми элементами, но и экстралингвистическими факторами. Представленное исследование показывает, что подобные уточнения касаются в первую очередь таких признаков стиля, как *реляционность* – эксплицитное выражение в нем и через него отношений между языком и человеком, использующим язык в конкретных видах речевой деятельности и коммуникации; *поливалентность* – способность выражать пучок коррелятивных связей между языковыми

единицами и внеязыковыми явлениями; *альтернативность* – имплицирование в категории стиля речевого поступка языковой личности, направленного на осознанный выбор для выражения нужного ей содержания одной из двух или нескольких возможностей, предоставляемых ей ресурсами соответствующего языка и языковым опытом. Как модус формулирования определенного функционально-смыслового целого, реализуемый взаимосвязанной совокупностью признаков системно-структурного построения, поддающихся выделению и интерпретации, стиль является неотъемлемым параметром высказывания, текста и дискурса. Распознавание стилистической информации, заключенной в модусе формулирования целостных высказываний, оптимизирует успешное протекание речевого общения.

Ключевые слова: стиль, модус формулирования, реляционность, поливалентность, альтернативность, высказывание, текст, дискурс.

Цитирование. Гончарова Е. А. Стиль как реляционная поливалентная категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 180–191. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.14>

Введение

Стиль, представляя собой в самом общем виде способ вербального и невербального выражения некоего содержания, реализуемый носителями/-ем языка при создании устных или письменных высказываний, получал на разных этапах развития лингвистики различные толкования в зависимости от того, какой из (многих) его аспектов выдвигался на передний план филологического анализа. Несмотря на различия рассматриваемых аспектов, можно установить ряд исходных методологических предпосылок, которые, по нашим наблюдениям, должны предварять любой стилистический анализ.

Так, к имманентным составляющим этой категории, прежде всего, принадлежит *реляционность*, поскольку стиль сигнализирует об определенных функционально-смысловых *отношениях* между языком и его пользователем – человеком. Согласно Ю.С. Степанову, именно стиль позволяет установить закономерности и особенности процесса и результата отбора и комбинации, а также трансформации языковых средств [Степанов, 1990, с. 494], находящихся в инвентарно-функциональном фонде одного или многих речемыслительных субъектов, которые всякий раз приспособливают эти средства к конкретным ситуациям собственной деятельности и/или коммуникации.

Реляционный характер стиля объясняется тем, что как «насквозь» антропоцентричный и функциональный феномен он демонстрирует, во-первых, определенный способ выражения (когнитивного и коммуникативно-

прагматического) содержания, соотносительный с другими способами выражения, которые служат для схожих целей речевого высказывания. Во-вторых, в основе этого способа выражения лежат когнитивные и речевые операции, совершаемые носителем/-ями языка со знанием круга функциональных особенностей нужных ему/им языковых средств (функции языка, как справедливо отмечает А.К. Киклевич, в свою очередь, являются реляционной категорией, поскольку они позволяют установить «множество его [языка] регулярных отношений к среде» [Киклевич, 2014, с. 61]). Иначе говоря, стиль всегда ориентирован на существование для его автора некой *альтернативы*, то есть наличие для создаваемого способа выражения нужного содержания не одной, а двух или нескольких возможностей, предоставляемых ресурсами соответствующего языка (принцип *или-или*). Немецкий исследователь Б. Зандиг отмечает в связи с этим, что везде, где у нас есть альтернатива, в игру вступает стиль («Überall, wo wir Alternativen haben, überall da ist Stil im Spiel...») [Sandig, 2006, S. 2].

Из реляционности стиля вытекает и такой его признак, как *поливалентность*, то есть способность быть «соединительной силой» между языком и человеком, выражающей не одно, а целый пучок отношений, например, отношение созданного средствами языка высказывания к среде и ситуации порождения и функционирования, а также к медиальной (устной или письменной) форме осуществления; к личности автора с его врожденными индивидуальными (ментальными и психическими) способностями и приобретен-

ными социальными (познавательными и коммуникативными) компетенциями, а также характером коммуникативно-прагматического взаимодействия с потенциальным реципиентом и др.

В то же время нельзя не признать, что в длительной истории изучения стиля в качестве научного объекта гуманитарных исследований представления о сути вышеназванных сторон этого феномена имели весьма лабильный характер и менялись в зависимости от преобладания в идеях о стиле рациональной или интуитивно-чувственной компоненты его интерпретации. В современных рассуждениях лингвистов о феномене **стиль** до сих пор не до конца отрефлексированы многие из его свойств, хотя их изучение имеет существенное значение для современной лингвистики, изучающей язык в проекции на человека, который реализует разные стороны своей познавательной и коммуникативной деятельности и тем самым себя как личность, разными способами, в том числе через «осваиваемый» и «присваиваемый» им язык.

Результаты и обсуждение

Научные направления в изучении стиля

В качестве преамбулы к описанию наиболее репрезентативных научных направлений в изучении стиля, перечень которых, вероятно, нельзя признать окончательным, следует заметить, что несмотря на внешние различия достаточно многочисленных дефиниционных толкований стиля их объединяет общий методологический принцип рассмотрения языка как живого организма, неотделимого в своих разнообразных проявлениях и функциях от людей. В то же время в каждом из этих научных направлений мы видим концентрацию ученых на одной или нескольких сочетательных потенциях стиля, свидетельствующих о его поливалентном характере.

Назовем наиболее распространенные научные концепции в изучении стиля, представленные известными именами его исследователей в России и за рубежом.

1. Стиль – коррелят литературно-языковой *нормы*, связанный с объединяющей членов определенной языковой общности рече-

вой культурой, или «правильностью» речевых (социально-функционально отмеченных, письменно-книжных или разговорно-устных) построений [Виноградов, 1980; Винокур, 2006, с. 11–48; Riesel, Schendels, 1964, S. 6–33]. Уже античная риторика считает обязательным такой принцип построения речи, при котором оратор соблюдает уместность по отношению к предмету, о котором идет речь, и к лицам как говорящего, так и слушающего. В рамках возникшего в связи с этим представления о «трех стилях» («скудном / низком» – «умеренном» – «важном / возвышенном») в классической стилистике возникает и развивается учение об «образцовом», или «хорошем» стиле, то есть способе выражения, «уместном» и «целесообразном» в общении с определенными социальными слоями общества и в определенных социальных сферах (см., например: [Москвин, 2012, с. 171–177]).

С опорой на подобное понимание стиля во многих европейских культурах начиная приблизительно с конца XVIII в. вырастает так называемая «практическая стилистика», нацеленная на изучение закономерностей целесообразного и уместного функционирования языка; издаются учебники «хорошего», образцового стиля, а также руководства по правильному написанию наиболее распространенных видов повседневных текстов: письма, соболезнования, поздравления и др. Сегодня эта область стилистики продолжает автономно существовать в виде так называемой «нормативной стилистики», или «культуры речи» (как части ортологии).

2. Стиль – признак *девиации*, то есть ненамеренного или намеренного отклонения от системы функционально-речевых норм, принятых в некоем языковом сообществе, но подверженных колебаниям, варьированию и изменению. Стилистические девиации служат в первую очередь основанием для научного описания двух противоположных тенденций в коммуникативно-речевом поведении пользователей языка: соблюдение литературно-языковых и коммуникативно-дискурсивных норм в процессах пользования языком, с одной стороны, и отклонение от них – с другой.

Так, отсутствие стилистических девиаций в речи какого-то члена языкового сообщества свидетельствует о тяготении его ре-

чего поведения к принципу «так принято» (англ. «*opting in*»), который заключается в недопущении всяческих трансформаций или изменений в конвенциональном (узуальном) употреблении языковых единиц, а также в соблюдении норм речевого этикета и стилистического единообразия произносимого или написанного. Использование же нетривиальных форм языкового выражения и нестесненное формально-социальными условностями коммуникативно-речевое поведение (иными словами, стилистические девиации) считаются проявлением в речи прагматического стимула «быть не таким, как все», или «выделиться из других» (англ. «*opting out*»).

Стилистические девиации могут иметь при этом деструктивный характер – в случаях ненамеренного, спонтанного отклонения от конвенционального использования функционально-речевых элементов, являющегося признаком отсутствия или недостаточности необходимых коммуникативно-стилевых компетенций [Гончарова, 2020]. В такой форме они могут оказаться «вредными» для процессов речевого общения, поскольку способны привести говорящего к коммуникативной неудаче, то есть к недопониманию собеседниками друг друга и к невыполнению намеченных целей (речевой) коммуникации.

Например, стилистически ошибочный выбор формы обращения к адресату, не соответствующий условиям коммуникативно-речевой ситуации и характеру публики, может обернуться для говорящего конфузом или потерей социального реноме. Невозможен эффективный профессиональный или деловой диалог, если один из его участников позволит себе фамильярные или жаргонные обращения к собеседникам, например, *апеллятивы люди / ребята / девчата / братаны / пацаны*, так как подобные обращения стилистически маркируют либо диалог между людьми молодого возраста, либо интенцию выступающего настроить слушателей на волну непринужденного, свободного от социально-статусных условностей разговора. Не исключено, что диалог в таких случаях состоится, но его успешному протеканию и кооперативному диалогическому взаимодействию обеих сторон подобная стилистическая ошибка нанесет серьезный ущерб.

Особенно часто в основе намеренных отклонений речевого субъекта от общепринятого использования языковых единиц, а также от правил речевого этикета лежит творческий элемент, или лингвокреативность пользователей языка. В этом случае стилистические девиации приобретают конструктивное значение, особенно для литературно-художественной, персуазивной и непрямой коммуникации. Последняя толкуется как «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и (которая. – Е. Г.) требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с. 5].

В качестве одного из множества возможных в данном случае примеров намеренных лингвокреативных стилистических девиаций приведем фрагменты из стихотворения Владимира Маяковского «Адище города» (1913):

Адище города окна разбили / на крохотные,
сосущие светом адки. / Рыжие дьяволы, вздымались
автомобили, / над самым ухом взрывая гудки
/...трамвай с разбега взметнул зрачки /...у раненого
солнца вытекал глаз / скомкав фонарей одеяла
– / ночь излюбилась, похабна и пьяна / ...ковыляла...
дряблая луна.

Как видим, в основе построения каждой из поэтических строк лежит нарушение или правил словообразования (*адище, адки, излюбилась*), или норм лексико-грамматической и семантической сочетаемости в русском языке (*сосущие светом; трамвай... взметнул зрачки; раненое солнце; фонарей одеяла; ковыляла... луна* и др.). В совокупности же все случаи подобной «языковой игры» поэта, отмеченные неповторимой синкретической образностью, можно рассматривать в качестве маркеров стилистической информации о принадлежности воспринимаемого текста к поэтической сфере и, следовательно, средств персуазивного и суггестивного воздействия, настраивающих потенциального реципиента на коммуникативно-речевую ситуацию литературно-художественного общения с уникальной творческой личностью автора и рассчитанных на его интеллектуальный и/или эмоциональный отклик.

3. Стиль – сигнал «эмоционального заряда» речи, иными словами, поддающиеся выявлению эмоциональные оттенки, отражающие как чисто личные, так и видоизмененные под влиянием социальных условий (конкретной ситуации и социальной среды) побуждения говорящего, обусловленные его социальной характеристикой и особенностями «приспособления» к другим членам данной общественной группы и других групп. Именно в эмоциональной «окраске» экспрессивных фактов речи заложены, по мнению сторонников этого направления, причины и смысл языковой и речевой вариативности, а также стиля как содержательного аспекта речи.

Это направление в изучении стиля связано, прежде всего, с именем Шарля Балли, который считал, что речь «среднего человека», то есть того, «кто создает и изменяет язык», выражает в первую очередь *чувства* [Балли, 2009, с. 23]. Поэтому, по мнению ученого, одна из основных задач стилистики состоит в том, чтобы изучать «...экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [Балли, 2009, с. 33].

Известный в нашей стране автор двух изданий «Стилистики французского языка» (1978 и 1987 гг.) К.А. Долинин, который перевел «Стилистику» Шарля Балли на русский язык и находился под влиянием его идей, обогатив их научными данными лингвопрагматики, социолингвистики и психологии, включает оппозицию «эмоциональность – неэмоциональность» в главные измерения стиля. Исследователь рассматривает эмоциональность – наряду со спонтанностью и стилистической сниженностью – в качестве (стилистического) сигнала «простого, стихийного, личностного, субъективного, аффективного и эфемерного» начала, противопоставленного «сложному, обработанному, ролевому (социально обусловленному), объективному, интеллектуальному, постоянному» полюсу в речевой деятельности людей [Долинин, 1987, с. 290–291 и др.].

4. Стиль – системный отличительный языковой признак художественных речевых произведений, то есть использование языка в *поэтической функции*, понимаемой как спо-

собность языковых единиц выступать в качестве средств художественной выразительности и изобразительности, составляющих суть эстетического смысла, а также сигналов творческого самовыражения и языкового творчества автора в речевой структуре поэтического произведения.

Теория стиля как категории «словесного искусства» имеет длительную историю, и здесь нельзя обойти вниманием теоретические труды и блестящие стилистические интерпретации поэтических произведений у представителей русской «формальной школы», к которой относились теоретики и историки литературы (В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов), лингвисты (В.М. Жирмунский, Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов, Л.П. Якубинский), стиховеды (С.И. Бернштейн, О.М. Брик). Основываясь на идеях А.А. Потебни о том, что всякое слово уже само по себе искусство [Потебня, 2003], формалисты провозгласили «самовитость» слова (и стиля как его выбора творческим субъектом) в качестве многозначного эталона формы художественного произведения.

Следствием интерпретации стиля в таком его понимании стало выделение в атомную дисциплину «литературоведческую стилистику», называемую также иногда «практической поэтикой», «поэтической стилистикой» [Жирмунский, 2004], «стилистикой художественной речи» [Сильман, 1969] или «поэтикой слова» (также «лингвистической поэтикой») [Григорьев, 1979]. Литературоведческая стилистика существовала долгое время параллельно с «лингвистической», или «языковедческой» стилистикой, изучавшей нехудожественные сферы функционирования языка [Riesel, Schendels, 1975, p. 12–13].

5. Стиль – совокупность отличительных признаков речи отдельного человека, находящегося в тех же условиях когниции и коммуникации, что и прочие члены определенного языкового сообщества, иначе «индивидуальный стиль», или «идиостиль».

Эта ветвь в развитии учения о стиле тесно связана с предыдущим его толкованием (см. п. 4), поскольку именно яркая в выразительном и изобразительном плане, а также эмоционально-экспрессивно насыщенная тональность поэтической речи писателей-художников слова позволяют рассматривать ее как

неповторимый индивидуальный стиль. Например, М.М. Бахтин, полагавший, что «...стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть с речевыми жанрами» [Бахтин, 1979а, с. 240], подчеркивал, что каждое произнесенное или написанное высказывание «индивидуально и потому может отразить индивидуальность говорящего (или пишущего), то есть обладать индивидуальным стилем» [Бахтин, 1979а, с. 240]. При этом жанры художественной литературы ученый считал наиболее благоприятными для проявления индивидуального стиля: «здесь индивидуальный стиль прямо входит в само задание высказывания, является одной из ведущих целей его» [Бахтин, 1979а, с. 241], в то время как в большинстве нехудожественных жанров (например, деловых документах) «индивидуальный стиль не входит в замысел высказывания, не служит одной его целью, а является... эпифеноменом высказывания, дополнительным продуктом его» [Бахтин, 1979а, с. 241].

В более поздних стилистических исследованиях «индивидуального стиля», распространенных и на нехудожественные виды речевой деятельности человека (прежде всего, в научной / научно-академической / научно-популярной, массмедийной и обиходной среде), он стал сопоставляться с понятием «идиолект». По мнению исследователей, идиолект представляет собой, в отличие от идиолекта, то есть определенного динамического множества языковых ресурсных средств и функционально-речевых предпочтений, формирующих тезаурус и фоновые знания отдельной языковой личности, практическую речевую актуализацию этого идиолекта в созданных ею (текстовых) высказываниях (см., например: [Гончарова, 2010, с. 111–114; Котурова, 2003].

6. Стиль – исторически сложившееся, социально и ситуативно-функционально обоснованное использование определенных совокупностей структурно-семантических единиц языка в широко распространенных и значимых для общества сферах познавательной и коммуникативной деятельности человека, таких как деловая, научно-академическая, журналистская, литературно-художественная, религиозная, обиходно-разговорная. Терминологичес-

ким обозначением этого аспекта стиля стало атрибутивное словосочетание «функциональный стиль», впервые появившееся в 20-х гг. XX в. в трудах ученых Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса, Б. Гавранека, Я. Мукаржовского.

В нашей стране функциональная стилистика как автономная часть науки о стиле возникла в 60-е гг. прошлого столетия. Она связана с именами М.М. Бахтина, Г.О. Винокура, Т.Г. Винокур, В.В. Виноградова, Б.Н. Головина, М.Н. Кожинной, Э.Г. Ризель, О.Б. Сиротининой, Ю.С. Степанова и многих других ученых, так или иначе занимавшихся изучением проблем стиля.

Само понятие «функциональный стиль», возникшее как опыт социально детерминированного уточнения концепта «стиль», можно считать результатом осмысления того факта, что не только отдельный индивидуум, но и языковое сообщество осознает целевую, проблемно-содержательную и коммуникативно-ситуативную специфику сфер социального общения, активно задействованных в плане протекания когнитивной и коммуникативной деятельности его членов. В зависимости от этого, а также от реальных коммуникативно-речевых (дискурсивных) практик, циркулирующих в таких сферах с определенной регулярностью, членами сообщества устанавливаются системные совокупности лингвостилистических элементов, форм и функций, которые служат наиболее аутентичному выражению типичных для этих социальных областей содержаний.

Стиль как модус формулирования текста и дискурса

Неоднородность вышеприведенных определений и толкований стиля объясняется наличием в дефиниционных признаках этого феномена не только чисто языковых, но и разветвленной сети внеязыковых параметров, в частности, таких как (тематическое) содержание языкового сообщения и общения; характер разрешаемой при этом проблемы; ситуация совершения речевых действий и ее участники; их социально-коммуникативные роли и характер (рационального и эмоционального) отношения к цели, содержанию общения и друг к другу и т. д.

Принципиальную роль для научного понимания феномена «стиль» играет и тот факт, что познавательная и коммуникативная (речевая) деятельность человека осуществляется с наибольшей полнотой и адекватностью посредством порождаемых им самим и воспринимаемых им целостных высказываний / текстов других. Именно текст является «той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний)» [Бахтин, 1979б, с. 281], которая позволяет проследить, как происходят *отбор, комбинаторное сочетание, переосмысление* и *преобразование* средств используемого языка человеком, иначе говоря, как возникает специфический «модус формулирования» (определенного содержания), то есть взаимосвязанная совокупность значимых в смысловом и функциональном плане и поддающихся выделению и интерпретации свойств системно-структурного построения текста, или **стиль**. Поэтому один из главных постулатов современной стилистики заключается в изучении стиля и всего, что с ним связано: стилистической функции, стилистической информации, стилистического значения / стилистической окраски / стилистических коннотаций (отдельных языковых и речевых единиц), – с «текстоцентрических» позиций (см. об этом: [Hoffmann, 2017; Sandig, 2006]).

Как многомерная поливалентная формально-смысловая категория стиль рождается в тексте при наложении друг на друга двух функциональных «энергий». Первая исходит от вербальных элементов, транспонируемых из системы языка в систему текста и подверженных в зависимости от этого определенным модификациям и трансформациям, необходимым для их вхождения в состав текстового целого. Вторая связана с акциональностью языковой личности ментально-речевого субъекта, который создает текст в русле собственной коммуникативной стратегии, нужной ему для решения какой-то конкретной проблемы (научного исследования, политической акции, установления делового или личного контакта, поиска работы и др.), будучи прагматически ориентированным на потенциального партнера по коммуникации.

Под действием указанных «энергий» процесс формулирования текста, то есть кристал-

лизация его стиля, становится не прямым переводом готового содержания в соответствующую языковую форму, а творческим ментально-речевым действием в избирательно-анализирующей, комбинирующей, трансформирующей и синтезирующей работе автора с языком. Внутри этого процесса происходит актуализация определенных «созначений» (см. об этом: [Винокур, 2010, с. 118]) структурно-семантических элементов языка (например, синонимических рядов, лексики с обозначением психических состояний и речевых действий, качественных прилагательных, антропонимов, синтаксических конструкций). В макроконтексте целостного речевого высказывания, к которому, помимо них, принадлежат и стилистически нейтральный языковой контекст, и экстралингвистический контекст (коммуникативно-речевая ситуация, социальная среда бытования текста, тема сообщения или обсуждения и др.), подобные «созначения» приобретают характер *стилистической функции* [Арнольд, 1999, с. 158–167]. Совокупность стилистических функций, в свою очередь, составляет *стилистическую информацию* текста, которая, хотя и является информацией второго рода, так как возникает из взаимодействия предметно-логической информации с информацией коммуникативно-ситуативной, субъектно-объектной, эмоционально-оценочной, экспрессивной и т. д. (ср.: [Арнольд, 1999, с. 159]), играет, тем не менее, значительную роль для понимания и интерпретации речевого высказывания. Ее распознавание помогает реципиенту текста вступить в оптимально близкие когнитивные и коммуникативные кооперативные отношения с его автором.

Продемонстрируем с помощью примеров возможности извлечения стилистической информации из пяти высказываний на тему «Извинение по поводу опоздания», но имеющих разный модус формулирования, то есть стиль. По тому, какую форму речевого высказывания и, соответственно, какую синтаксическую модель предпочитает говорящий, мы можем составить более или менее точное представление о понимании им той коммуникативной ситуации, в которой это говорится, о социально-ролевых отношениях между ее участниками, о ментально-психологическом складе ха-

рактера речевого субъекта, об его личных эмоциях в данный момент:

- (1) Прошу меня извинить, у меня были веские причины не явиться к назначенному времени!
- (2) Простите, что я задержался.
- (3) Извините, ради бога, за мое вынужденное опоздание!
- (4) Ой, прости-прости, пожалуйста, опоздал!
- (5) Да не дуйся ты, как мышь на крупу, ну подумаешь, опоздал!

Очевидно, что в высказывании (1) опоздавший дает официально-формальное пояснение какому-то лицу, в деловом контакте с которым он заинтересован. Высказывания (2) и (3) представляют собой этикетные речевые формы, причем субъект третьего извинения явно рассчитывает на вежливую эмпатию собеседника. Высказывания (4) и (5) демонстрируют более фамильярные отношения между партнерами по ситуации, автор пятого восклицания к тому же по существу не просит прощения за опоздание, а достаточно эмоционально и идиоматично выражает претензию своему собеседнику за недовольство. Легко представить себе интонацию и жестикуляцию, которые с большой долей вероятности сопровождают реплики говорящих в (4) и (5).

Приведенные примеры показывают, что каждый человек, выступающий в функции речемыслительного субъекта, который создает законченное в смысловом и коммуникативно-прагматическом отношении высказывание, «опредмечивает» в модусе формулирования, или стиле, собственный речевой поступок, так как он *отбирает* из «получужих» слов языка (по М.М. Бахтину) нужные ему лексико-семантические единицы и *связывает* между собой отобранные слова и словосочетания в качестве «своих» в определенные *комбинации* с опорой на известные ему грамматико-синтаксические модели, создавая тем самым целостную (текстовую) структуру.

Исходя из вышесказанного модус формулирования текста, или его стиль, можно рассматривать и как речевое воплощение в текстовой структуре двух имманентно присутствующих в ней образов (при понимании под образом словесного выражения идеи относительно какого-то явления действительности). Первый из них – «образ языка», используе-

мого в качестве инструментального средства создания текста, второй – «образ автора», речемыслительного субъекта, который создал знаковую реальность текста, запрограммированную на ее рецепцию потенциальным читателем. Каждый из названных образов представляет собой сложное системно-структурное образование, соотносимое, с одной стороны, с системой соответствующего языка, а с другой – с системой человека, то есть с совокупностью свойственных каждому индивидууму врожденных ментальных и психологических свойств, которые дополняются социально-функциональными и поведенческими характеристиками, приобретаемыми человеком в роли речевого актора в определенной общественной и культурно-исторической среде благодаря многообразным видам деятельности.

Лингвостилистические элементы способны выступать и в роли индикаторов определенного вида дискурса, то есть функционировать в роли контекстуально-речевых сигналов таких механизмов макроорганизации текстов, которые реализуют этот дискурс как некую живую жизненную ситуацию со своими особенностями речевого общения. Языковая форма и функции этих элементов определяются проблемно-тематическим содержанием и дискурсивным взаимодействием отдельных (текстовых) высказываний, составляющих базу для диалога мнений по определенным вопросам, значимым для общества в целом или какой-то его группы. Кроме того, они зависят от социально-коммуникативной ситуации обсуждения и прагматических установок участников диалога, а также от характера их рационально-логического и/или эмоционально-риторического отношения к предмету и форме коммуникации, к точкам зрения других и т. д.

Например, в дискурсе пандемии, до сих пор не теряющем своей актуальности в нашей стране и за рубежом, во-первых, обнаруживаются определенные стилистические (языковые, невербальные и полимодальные) закономерности в структурно-семантической и экспрессивно-риторической организации текстов в публичном диалоге специалистов-медиков, политиков и граждан-обывателей по обусловленным этим драматическим собы-

тием темам. Коммуникативно-речевые границы между названными выше социальными сферами становятся более прозрачными: термины-неологизмы, клишированные словосочетания и фразы легко переходят из специальной медицинской области в масс-медиа, политическую, обиходно-повседневную среду и приобретают статус «маркеров современности», так как служат приметой определенного периода в истории общества (ср.: [Майер, 2020]).

Во-вторых, тексты по проблематике пандемии и их отдельные типы (профессиональный комментарий, научный обзор, очерк, интервью, дискуссия, журналистский репортаж) по-разному формулируются в официально-деловой коммуникации, в политике и в средствах масс-медиа: прессе, телевидении и интернете, – будучи проявлением разных стилей мышления, то есть несопадающих способов когнитивно-речевой обработки актуальной социальной проблематики. Все они служат при этом источником зарождения лексико-семантических новообразований, которые затем массово используются в языковом сообществе, часто претерпевая стилистические модификации и образно-риторическое переосмысление (*санитайзер, самоизоляция, локдаун, антипрививочник / антиваксер, карантинкулы, ковид- / коронаудиот, коронапофигист* и др.).

В-третьих, лингвокультурные традиции, развивающиеся и закрепляющиеся в социально-речевой коммуникации разных национальных сообществ, в частности, различия в конвенциональных формах коммуникативно-речевого этикета и вежливости в общении между специалистами, политиками, журналистами и отдельными гражданами также находят свое отражение в определенных повторяющихся лингвостилистических сигналах либо «позитивной», либо конфликтной коммуникации, связанной с пандемией (см.: [Леонович и др., 2019]).

Вынесение стиля на уровень дискурса в современных его исследованиях интересно как симптом нарастающей тенденции перемещения стиля на уровень культурно-семиотически значимых феноменов. Известные немецкие исследователи стиля У. Фикс, М. Хофман, Б. Зандиг отмечают, например, что стиль

присутствует не только в собственно лингвистически актуализированном тексте, но и в так называемых «контекстах» (KonText) (нелингвистической части внутри поликодового текста) и в «сверхтекстах» (Supertext) (поликодовый текст в единстве всех составляющих его частей) [Fix, 2021; Hoffmann, 2017; Sandig, 2006], иначе говоря, в определенном дискурсивном, а также полимодальном пространстве.

Заключение

Рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с научной интерпретацией релевантных признаков стиля в историческом аспекте, а также с учетом современного состояния лингвистики, позволяет определить этот языковой феномен как модус формулирования (текстового) высказывания, возникающего в процессе и результате «опредмечивания» речевого поступка языковой личности автора, который заключается в выборе целесообразного способа выражения необходимого содержания и зависит от ситуативно-функциональных условий речевой деятельности, тематических и прагматических установок говорящего, а также его дискурсивных отношений с партнером/-ами по коммуникации.

Будучи неотъемлемым параметром текста и дискурса, стиль представляет собой реляционную и поливалентную категорию, так как на его основе выражаются многоакурные отношения между языком и его пользователем, который создает стиль, выбирая одну из альтернативных возможностей формулирования речевого высказывания, заложенных в его языковом опыте и фонде соответствующего языка.

Объем стилистической информации, текстовой информации второго рода, которая, однако, составляет существенную часть общей текстовой информации, зависит от тексто-стилевых компетенций обеих сторон речевой коммуникации. Ее освоение обеспечивает успешность не только совершаемого с помощью данного текстового высказывания акта речевого общения, но и дальнейшей (дискурсивной) деятельности обоих субъектов в определенной предметно-социальной области, когда они либо создают собственный вербаль-

ный или поликодовый продукт, либо воспринимают и интерпретируют текст другого, возвращая его в последующем в мир в своих мыслях, (речевых) поступках и настроениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 1999. О стилистической функции // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та. С. 158–167.
- Балли Ш., 2009. Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. Изд. 3-е. М. : Либроком. 384 с.
- Бахтин М. М., 1979а. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство. С. 237–280.
- Бахтин М. М., 1979б. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство. С. 281–307.
- Виноградов В. В., 1980. Проблема сказа в стилистике // Избранные труды. О языке художественной прозы / отв. ред. Ю. С. Степанов, А. П. Чудаков. М. : Наука. С. 42–54.
- Винокур Г. О., 2006. Культура языка / предисл. Л. П. Крысина. Изд. 3-е, доп. М. : КомКнига. 352 с.
- Винокур Т. Г., 2010. Стилистика в социально-психологическом аспекте // Стилистика как она есть. Избранные работы / сост. С. В. Киселев. М. : ЛКИ. 168 с.
- Гончарова Е. А., 2020. Компетентностный подход к изучению текста и стиля // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (18–19 нояб. 2020 г., Абакан) / отв. ред. И. П. Амзаракова. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. С. 61–64.
- Гончарова Е. А., 2010. Теория и практика стилистического анализа = Theorie und Praxis der Stilanalyse. М. : Академия. 352 с.
- Григорьев В. П., 1979. Поэтика слова (на материале русской советской поэзии). М. : Наука. 343 с.
- Дементьев В. В., 2006. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис. 376 с.
- Долинин К. А., 1987. Стилистика французского языка. Изд. 2-е, дораб. М. : Просвещение. 303 с.
- Жирмунский В. М., 2004. Введение в литературоведение. Курс лекций / под ред. З. И. Плавскиной, В. В. Жирмунской. Изд. 2-е. М. : Едиториал УРСС. 464 с.
- Киклевич А. К., 2014. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков : Гуманитарный центр. 444 с.
- Котюрова М. П., 2003. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. П. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 95–99.
- Москвин В. П., 2012. Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения. М. : Либроком. 216 с.
- Майер В. С., 2020. Пандемия коронавируса как языковой маркер современности (на материале немецкого языка) // Гуманитарные и социальные науки. № 4. С. 124–137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137>
- Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунева О. В., Соколова М. С., 2019. Позитивная коммуникация : коллектив. моногр. / под общ. ред. О. А. Леонтович. М. : Гнозис. 296 с.
- Потебня А. А., 2003. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. Изд. 2-е, испр. СПб. : Филолог. фак. СПбГУ ; М. : Академия. 384 с.
- Сильман Т. И., 1969. Stilanalysen. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы. Л. : Просвещение. 325 с.
- Степанов Ю. С., 1990. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 494–495.
- Fix U., 2021. Stil – Denkstil – Text – Diskurs: die Phänomene und ihre Zusammenhänge. Berlin : Frank/Timme. 570 S.
- Hoffmann M., 2017. Stil und Text. Eine Einführung. Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag. 267 S.
- Kayser W., 1992. Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 20. Auflage. Tübingen : Basel : Francke Verlag. 460 S.
- Riesel E., Schendels E., 1975. Deutsche Stilistik. München : Hochschule. 316 S.
- Sandig B., 2006. Textstilistik des Deutschen. 2. Auflage. Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter. 584 S.

REFERENCES

- Arnold I.V., 1999. O stilicheskoy funktsii [About stylistic function]. Bukharkin P.E., ed. *I. V. Arnold. Semantika. Stilistika. Intertekstualnost: sb. st.* [I. V. Arnold. Semantics. Stylistics. Intertextuality. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, pp. 158-167.
- Bally Ch., 2009. *Francuzskaja stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Librokom Publ. 384 p.
- Bakhtin M.M., 1979a. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. Bakhtin M. M.

- Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 237-280.
- Bakhtin M.M., 1979b. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh [The Problem of the Text in Linguistics, Philology and Other Humanities]. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 281-307.
- Vinogradov V.V., 1980. Problema skaza v stilistike [The Problem of Narration in Style]. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected Works. About the Language of Fiction Prose]. Moscow, Nauka Publ., pp. 42-54.
- Vinokur G.O., 2006. *Kultura yazyka* [Culture of Language]. Moscow, KomKniga Publ. 352 p.
- Vinokur T.G., 2010. Stilistika v socialno-psikhologicheskom aspekte [Stylistics in the Sociopsychological Aspect]. *Stilistika kak ona est. Izbrannye raboty* [Stylistics as it is. Selected Works]. Moscow, LKI Publ. 168 p.
- Goncharova E.A., 2021. Kompetentnostnyy podkhod k izucheniyu teksta i stilya [Competence-Based Approach to the Study of Text and Style]. *Aktualnye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: dostizhenia, perspektivy, innovatsii: materialy XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (18–19 noyabrya 2020 g., Abakan)* [Actual Problems of Learning Language, Literature and Journalism: Achievements, Prospects, Innovations. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference (November 18–19, 2020, Abakan)]. Abakan, Izd-vo Hakas. gos. un-ta im. N.F. Katanova, pp. 61-64.
- Goncharova E.A., 2010. *Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza = Theorie und Praxis der Stilanalyse* [Theory and Practice of Stylistic Analysis]. Moscow, Akademiya Publ. 352 p.
- Grigoryev V.P., 1979. *Poetika slova (na materiale russkoy sovetskoy poezii)* [Poetics of the Word (Based on the Material of the Russian Soviet Poetry)]. Moscow, Nauka Publ. 343 p.
- Demytyev V.V., 2006. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, Gnozis Publ. 376 p.
- Dolinin K.A., 1987. *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [Stylistics of the French Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 303 p.
- Zhirmunskiy V.M., 2004. *Vvedenie v literaturovedenie. Kurs lektsiy* [Introduction to Literary Studies. Lecture Course]. Moscow, Editorial URSS Publ. 464 p.
- Kikleovich A.K., 2014. *Dinamicheskaya lingvistika: mezhdu kodom i diskursom* [Dynamic Linguistics: Between Code and Discourse]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr. 444 p.
- Kotyurova M.P., 2003. Idiostil [Individual Style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., pp. 95-99.
- Moskvin V.P., 2012. *Ritorika i teoriya kommunikatsii. Vidy, stili i taktiki rechevogo obshcheniya* [Rhetoric and Communication Theory. Types, Styles and Tactics of Speech Communication]. Moscow, Librokom Publ. 216 p.
- Mayer V.S., 2020. Pandemiya koronavirusa kak yazykovoy marker sovremennosti (na materiale nemetskogo yazyka) [The Coronavirus Pandemic as a Linguistic Marker of Modernity (On the Material of the German Language)]. *Gumanitarnye i sotsialnye nauki* [The Humanities and Social Sciences], no. 4, pp. 124-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-81-4-124-137>
- Leontovich O.A., Gulyaeva M.A., Luneva O.V., Sokolova M.S., 2019. *Pozitivnaya kommunikatsiya: kolektiv. monogr.* [Positive Communication. Collective Monography]. Moscow, Gnozis Publ. 296 p.
- Potebnya A.A., 2003. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Saint Petersburg, Filolog. fak. SPbGU; Moscow, Akademiya Publ. 384 p.
- Silman T.I., 1969. *Stilanalysen. Posobie po stilisticheskoy analizu nemetskoy khudozhestvennoy literatury* [Stilanalysen. Manual on Stylistic Analysis of German Fiction]. Leningrad, Prosveshchenie Publ. 325 p.
- Stepanov Yu.S., 1990. Stil [Style]. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., pp. 494-495.
- Fix U., 2021. *Stil – Denkstil – Text – Diskurs: die Phänomene und ihre Zusammenhänge*. Berlin, Frank/Timme. 570 S.
- Hoffmann M., 2017. *Stil und Text. Eine Einführung*. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag. 267 S.
- Kayser W., 1992. *Das sprachliche Kunstwerk. Eine Einführung in die Literaturwissenschaft. 20. Auflage*. Tübingen, Basel, Francke Verlag. 460 S.
- Riesel E., Schendels E., 1975. *Deutsche Stilistik*. München, Hochschule. 316 S.
- Sandig B., 2006. *Textstilistik des Deutschen. 2. Auflage*. Berlin, New York, Walter de Gruyter. 584 S.

Information About the Author

Evgenia A. Goncharova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of German Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, eagon@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1063-0423>

Информация об авторе

Евгения Александровна Гончарова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, eagon@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1063-0423>